

**ОТЗЫВ официального оппонента
на диссертацию на соискание ученой степени
доктора филологических наук Алпатова Сергея Викторовича
на тему: «Переводные памфлеты в русской рукописной и фольклорной
традиции XVIII–XX вв.»
по специальности 10.01.09 – «Фольклористика»**

Избрав предметом исследования процессы восприятия, освоения и преобразования переводных европейских памфлетов в русской рукописной и фольклорной традиции XVIII–XX вв., Сергей Викторович Алпатов представил в своем диссертационном сочинении решения сразу нескольких задач, актуальных для современной фольклористики: описать и систематизировать известные науке и новонайденные печатные, рукописные и фольклорные варианты исследуемых сатир; выявить отечественную и зарубежную предысторию, типологические соответствия и вероятные источники референтных текстов исследования; охарактеризовать формы и факторы эволюции переводных памфлетов в русской рукописной и фольклорной традиции XVIII–XX вв.; выявить уровни, векторы и механизмы интертекстуальных взаимодействий устных фольклорных, анонимных рукописных и авторских литературных произведений рассматриваемого круга в отечественном сатирическом дискурсе Нового времени; охарактеризовать жанровую природу исследуемых феноменов в ее исторической и социокультурной динамике.

Предполагаемые аспекты исследования свидетельствуют не только о широте научного взгляда диссертанта, но также о том, что в работе, помимо освещения собственно текстологической проблематики, внимание будет сосредоточено на изучении типологии этнокультурных контактов, видов и механизмов фольклорно-литературных связей, на вопросах исторической поэтики и комплексной текстологии письменных форм фольклора, на проблеме преобразования семантики и прагматики переводных памфлетов в разных социокультурных стратах российского общества XVIII–XX вв., на влиянии заимствованных литературных образцов на концептуальную,

сюжетно-тематическую, формально-стилевую и жанровую парадигму отечественной рукописной и фольклорной традиции Нового времени.

Говоря об актуальности и новизне исследования, особо выделим указанную С.В. Алпатовым необходимость комплексного рассмотрения вопросов интертекстуальных взаимодействий книжной, рукописной и фольклорной традиции XVIII–XX вв. на жанровом, сюжетно-тематическом и формально-стилевом уровне (с. 18), ведь именно интертекстуальные взаимодействия текстов рукописной и устной фольклорной традиции XVIII–XX вв. оказываются одним из основных механизмов формирования поэтики таких форм «устной литературы» / «письменного фольклора», как анекдоты, фацеции, стихотворные жарты, комические монологи и интермедии любительского и фольклорного театров, малые жанры классифицирующей и прогностической природы (сборники паремий, календари, сонники, гадания).

Во введении к диссертации четко определены доминирующие типы интертекстуальных отношений для фольклорной и рукописной традиций (с. 10–12). Для фольклорной традиции таковыми являются: *архитекстуальность*, понимаемая как реализация в структуре конкретного варианта смысловых архетипов и формальных «генотипов»; *гипертекстуальность*, понимаемая – на поверхностном уровне – как сосуществование конкретных произведений в исполнительских актах / памяти носителей традиции, а также – на глубинном уровне – как наличие стереотипных дискурсивных полей фольклорной традиции, определяющих действие механизмов импровизации и пародирования. Для произведений рукописной традиции, перерабатывающих переводные образцы, особое значение будут иметь такие типы интертекстуальности, как *паратекстуальные* отношения текста и его прецедентного заглавия; *метатекстовые* комментарии и ссылки на полях рукописей, моделирующие прогнозируемое взаимодействие с потенциальным читателем либо отложенную автокоммуникацию при повторном чтении; *гипертекстовые*

отношения рукописного текста и его ближайшего конвоя, а также его связи в структуре сборников смешанного состава в целом.

Как видим, точкой пересечения обеих традиций является гипертекстуальность, и именно на этот узловый момент направлен вектор предпринятого исследования, связывающего (на материале переводных памфлетов) воедино книжную, рукописную и устную традиции. В этом же направлении ведется выявление механизмов трансформации переводных памфлетов в соответствии с содержательными и формально-стилевыми канонами отечественной демократической сатиры (на примере текстологического анализа вариантов сатирических сочинений).

Все девять положений, вынесенных на защиту (с. 25–27) призваны показать системный характер фольклорно-литературных взаимодействий в российском сатирическом дискурсе Нового времени, что, безусловно, дополняет и обогащает проблематику, тематику и направления исследований, связанных с механизмами взаимодействия книжности и фольклора, формирования «текстуальных сообществ», а также с тенденциями и направлениями развития фольклоризма в литературе.

Референтными текстами исследования стали народные анекдоты СУС 1613 «Карты – мой календарь и молитвенник» и СУС –1544С* «Солдатский Отче наш», а также стихотворная сатира «Газета из ада», восходящие к иностранным источникам первой половины – середины XVIII столетия и бытовавшие в отечественной рукописной и устной традиции на протяжении XIX–XX вв. Неслучайность этой выборки обосновывается в трех главах диссертации, каждая из которых посвящена одному из указанных сюжетов.

Освоенность темы автором диссертации доказывается списком привлеченных источников и использованной литературы (653 позиции на русском, английском, французском, немецком, итальянском, польском, чешском, белорусском, украинском языках – досадные опечатки в названиях белорусских и украинских источников следует исправить в дальнейших публикациях).

Первая глава **«Генезис и эволюция анекдота СУС=АТУ 1613 «Карты – мой календарь и молитвенник» в русской рукописной и фольклорной традиции XVIII–XX вв.»** посвящена анализу не только указанного в ее заглавии сюжета, но и типологически связанных с ним сюжетов АТУ 812, 922, 924, 1839В, 2010А. Это дает возможность не только установить контекстуальные связи сюжета АТУ 1613, но и показать весь спектр этноконфессионального экзотизма / антагонизма, который заложен в этой группе сюжетов.

Исследователем выделены общие формальные компоненты анекдота АТУ 1613 и смежных с ним сюжетов (с. 46): это вопросно-ответная структура «ядра» сюжета и прямая либо обратная (в т.ч. рекурсивная) последовательность перечисления определенного числа позиций. Общим смысловым компонентом для этих сюжетов является священное (библейское, катехизическое, церковно-праздничное) знание, структурированное в соответствии с карточным, календарным, алфавитным и подобными кодами (с. 46). Располагая этой информацией, можно продолжить исследование по нескольким направлениям: выявить адаптацию текста к этноконфессиональному контексту, структуру читающего общества (какие варианты обращаются в каких социальных группах), а также прагматику нарративов типа АТУ 1613 с присущим им равновесием назидательных и смеховых функций.

Особо ценным для текстолога является дополнение корпуса известных вариантов сюжета СУС/АТУ 1613 пятью не учтенными в указателях публикациями сюжета и десятью архивными вариантами, впервые вводимыми в научный оборот (см. Приложение 1). Очень полезными оказываются сопоставительные таблицы на с. 53–56, которые показывают динамику изменения текстов, способы адаптации переводного произведения к текстовой стихии русских пародийно-сатирических сочинений. Интересно наблюдение автора диссертации о том, что часть русских списков представляют собой не просто рукописные копии, но запись по памяти

услышанного анекдота (с. 56) – это приводит к тому, что катехизическое ядро сюжета, сохраняя формальную последовательность карточных фигур, теряет жесткую мотивационную связь между числом и его толкованием. Наблюдаются также два разнонаправленных вектора в развитии сюжета: с одной стороны, исторические или прецедентные имена меняются на условные архетипические образы (с. 57), а с другой – нарративы приобретают личностный характер (рассказ от первого лица) (с. 58). При анализе образов, реализующих отечественные культурные стереотипы (например, Дама – царица Екатерина или Пресвятая Богородица и др.), безусловно, требуют комментария фрагменты типа: «Дама мне напоминает ту восточну девицу, которая была спасена в храме божьем» (севернорусская сказка из собрания А.И. Никифорова и запись 1957 г. из Архива кафедры фольклора МГУ) (см. с. 57, 319 и приложение 1 – в этой позиции обычно упомянута царица Савская, пришедшая к царю Соломону «слушать его премудрости»).

В связи с разыгрываемым в сюжете АТУ 1613 числовым кодом хотелось бы получить более подробный комментарий к тексту № 8 из Приложения 1 (запись 1957 г. из Архива кафедры фольклора МГУ) – это единственный пример, где в колоде оказывается 366 очков. В остальных рассматриваемых вариантах число очков 365, и оно трактуется, как число дней в году. Является ли число 366 указанием на високосный год или просто отражает дизайн лицевой стороны игральных карт в определенной колоде; есть ли еще варианты, где количество очков (и дней в году соответственно) представлено числом 366?

Характеризуя восточнославянские устные варианты сюжета АТУ 1613, С.В. Алпатов отмечает, что анекдот бытовал в армейской, городской, крестьянской среде, а также среди старообрядцев (с. 58); широка его география: Русский Север, Верхоямье, Сибирь, Тамбовская область, Латвия, Белоруссия (с. 60). Во всех вариантах своеобразно отражен механизм ксеномотивации, а именно – представление чужого этноконфессионального

опыта: герой попадает в «немецкую церковь», в «немецкую керку», в «польский костел», в «костел к англичанам», где основным атрибутом молитвы является книга, которая у героя анекдота отсутствует. Интересно, что среди «чужих» молитвенных домов нет упоминания синагоги – теоретически, герой анекдота (русский солдат в заграничном походе) вполне мог там оказаться и удостовериться, что там все присутствующие молятся с книгами в руках (ср. впечатления русских и польских военных о местечках: в меморатах часто отмечены корчма, еврейская свадьба, еврейские похороны; ср. также современные воспоминания об опыте этноконфессионального соседства – пришедшему в синагогу «чужаку» первым делом вручают книжку). В качестве типологической параллели можно привести рассказ, записанный фольклористом Е.М. Боганевой в 2002 г. в Ошмянском р-не Гродненской области Республики Беларусь: «Я сама была ў синагоге. Я работала на стройке па-рабочаму. Зайшлі мы туда. Ну, культурныя яўрэйкі. Сідзяць яны, нам і места ўступілі, усё... Самі сідзяць на втроем этажэ, а там усе жыды маладыя і рабін іхны. Внізу такую надзеўшы скручаную, і <...> кланяюцца, кланяюцца, кланяюцца... А жыдоўкі нам ужо даюць кніжачкі пачытаць. Так вот такая вот маленькая кніжачка і раздзелена папалам. Тут па-жыдоўску напісана, а тут па-руску. Ну і мы ўжо ізьвінілісь перад імі, ну, я перахрысьцілася... <...> Ну, мы паглядзелі і пайшлі».

Возможно ли, что в восточнославянской или польской традиции со временем обнаружится текст с упоминанием синагоги, или же перед нами все-таки образец «внутрихристианской» сатиры, острие которой направлено на родственные, но «чужие» конгрегации?

Как отмечает автор диссертации, одним из факторов, обусловивших активное восприятие, интенсивное усвоение и преобразование на русской почве импортного сюжета ATU 1613, является наличие к моменту перевода истории о шотландском солдате Ричарде Мидлтоне, по меньшей мере, двухвековой традиции карточных игр на Руси (с. 61). В связи с этим вызывает интерес соотношение собственно текста и предметного конвоя

сюжета. В списках анекдота фигурирует так называемая полная карточная колода из 52 карт. При этом среди впервые вводимых в оборот вариантов (см. Приложение 1, текст № 9) все толкования производятся из расчета 36 карт в колоде. В связи с этим возникает вопрос – является ли этот текст свернутой версией (числовые значения карт меньше шестерки просто не упомянуты, но подразумеваются – «и вот так он ему все карты пересказал») или отражает смену игровой атрибутики, так называемую сокращенную колоду карт в 36 листов, получившую распространение именно в России (анекдот записан в 1959 г., рассказчик узнал его в 1920-м).

Культурным фоном для рецепции сюжета ATU 1613 послужили практики прогнозирования будущего по святам, Библии и картам и распространение календарей-прогностиков (с. 65). Как показывают фольклорные источники (пересказы апокрифов, легенды, загадки, поговорки), Библия (в ее фольклорном понимании) – это универсальный и всеобъемлющий информационный источник, удобная форма хранения информации, использующая механизмы мнемоники. Так и в версиях сюжета ATU 1613 используются библейская образность и паттерны каталога-пересчета и вопросно-ответного диалога (с. 66) – в текстах типа ATU 1613 «зашифрованы» знания по священной истории, географии, хронологии.

В первой главе диссертации рассматриваются и другие книжные и фольклорные тексты, использующие счетно-перечислительную модель. Именно с учетом этого «конвоя» следует анализировать и каталогизировать сюжет ATU 1613 – когда эти тексты рассматриваются в едином ключе (с точки зрения содержания и структуры), становится очевидно, что перед нами особый «числовой» жанр (ср. «повесть чисел», термин, предлагаемый С.М. Толстой), который может объединить тексты не только фольклорно-литературные, но и обрядовые, и магические.

Вторая глава **«Генезис и эволюция анекдота СУС –1544С* «Солдатский Отче наш» в русской рукописной и фольклорной традиции XVIII–XX вв.»** освещает вопросы происхождения и развития указанного

сюжета на русской почве в период Нового времени. Как и в случае с предыдущим сюжетом ATU 1613, автор анализирует не учтенные в указателях опубликованные и вновь открытые рукописные варианты (общим числом 9). Перечисляя возможные генетические предшественники сюжета СУС –1544С*, автор указывает сюжеты СУС = ATU 2010 «Кто один?», СУС = ATU 1613 «Карты – календарь и молитвенник», СУС = ATU 922 «Беспечальный монастырь», где остроумный простец одерживает верх над властью предрержащим (с. 85). Отметим, что этот список может быть скорректирован включением в него сюжета СУС 812*, который является однотипным с сюжетом СУС 2010.

Наиболее интересным, на наш взгляд, фрагментом второй главы является подробная характеристика культурного контекста, в котором бытовал памфлет «Страсти и переговоры в Раштадте» (1798 г., перевод с латинского) – видимо, на фоне довольно широко обращавшихся в читающем обществе травестийных молитв этот текст, отражающий в общем-то далекий от российских интересов сюжет, вызвал бурю страстей (обсуждение его в застольной беседе породило донос в соответствующие инстанции, в Тайной экспедиции было заведено следственное дело, привлеченные к ответственности лица давали объяснения, и всерьез обсуждался вопрос политической адекватности «библейских» иносказаний, содержащихся в тексте) (с. 92–98). Такова была цена за распространение «литературной» информации, и такие коллизии возникали в процессе коммуникации и интерпретации переводных текстов, в травестийном ключе использующих библейские мотивы и образы.

В результате текстологического анализа текстов из круга «Солдатский Отче наш», С.В. Алпатов констатирует: «Очевидно, что во всех приведенных контекстах мы имеем дело не со слепой неприязнью мирянина к непонятному литургическому действу, но с избирательной и изобретательной художественной (игровой / сатирической) эксплуатацией хорошо знакомых вербальных и акциональных топосов церковного обихода» (с. 110). Добавим,

что в данном случае также могло сыграть роль знакомство «трансляторов» с фольклорными сюжетами типа СУС 827 («Простецкая молитва»): на эту мысль наводит концовка одного из анализируемых текстов – убедившись в неспособности клира отслужить литургию (поп, дьякон и дьячок сбиваются на народные песни), «архиерей вышел да рукой махнул: “Служите, как служили!”» (с. 110, текст из публикации Н.Е. Ончукова).

В отдельном разделе второй главы (с. 116–130) рассматривается цитирование популярных топосов как механизм адаптации переводного источника в отечественной рукописной и фольклорной традиции, при этом отмечается разное отношение к «готовому» слову – от осознанного «цитирования» (с расчетом на опознание источника аудиторией) до контекстно-мотивированного «припоминания» (воспроизведения общеизвестного топоса). Это дает возможность пересмотреть устоявшееся представление о непроницаемости границ некоторых книжных жанров XVIII–XX вв. и показать их открытость по отношению к фольклорной традиции, черпающей мотивы из книжных сатирических источников. Таким образом, перед нами открывается единое пространство пародийных сочинений, когда при восприятии одного произведения предполагается неременное опознание аллюзий к другим текстам.

Третья глава «“Газета из ада”: интертекстуальные связи переводных памфлетов в русской рукописной и фольклорной традиции XVIII–XX вв.» посвящена анализу особенностей сатиры «Газета из ада», которая представляет собой текст метаморфной структуры, открытой для интертекстуальных взаимодействий всех уровней (от частной формулы до композиции целого) (с. 132). Этим, помимо прочего, и обусловлена большая (по сравнению с текстами, рассматриваемыми в первых двух главах) вариативность конкретных списков сатиры – на этом хотелось бы остановиться подробнее. Представление о вариативности текстов дают таблицы, в которых перечислены характеристики действующих персонажей – грешников, явленных на суд Сатаны (с. 165, 166–167, 172–174, 177–178,

181–183, 185–186, 186, 189–190, 200–201). Представленный в таблицах материал удобен для текстологического и смыслового сопоставления. Обратим внимание на с. 200–201, где приведены сводные сатирические реестры грешников по пяти рукописным и опубликованным источникам. В таблице упомянуты грешные народы и сословия: «митрополиты, монахи, архиереи, турки, татары, жида и израили, со всех сторон собраны нехристи», митрополиты, архиепископы, епископы, иереи, жида, евреи», «монархи, митрополиты, патриархи, архиереи, жида, турки, татары и евреи, французы, немцы и баварцы, искусные в практике итальянцы», цари, князи, короли, митрополиты, евреи, турки», «митрополиты, протоиереи, монахи, турки, татары, жида, армяне». Помимо сходства перечня с перечнем «грешных народов» и сословий на иконах Страшного суда (ср. на с. 205 о визуальных эквивалентах «собора грешников»), показательно различие «жидов» и «евреев», «жидов» и «израилей», характерное, например, для русских азбуковников XVI–XVII вв. (где «евреи» – это ветхозаветные персонажи, а «жиды» – этнические соседи, современники).

Еще одна проблема, на которую стоит обратить внимание в связи с текстологией «Газеты из ада», это соотношение вербального текста и социокультурного контекста. Как показывает автор, для данного памятника характерно бытование «ортодоксальной» и «раскольничьей» редакций (с. 165–172). Рассматривая мотивное ядро «ортодоксальной» редакции (на примере восьми списков), С.В. Алпатов отмечает наличие в одном из них (1844 г.) упоминание «цыган, волшебников и колдунов» (с. 165). При рассмотрении мотивного ядра «раскольничьей» редакции (на примере семи списков) в одном из них (опубликован в Москве в 1911 г.) отмечаются такие персонажи, как «фабричный табельщик», «фабричный кассир», «фабричного механика помощник» (с. 167). Хотелось бы узнать, каковы, на взгляд автора диссертации, причины единичности упоминания «магических специалистов» (включая цыган) в «ортодоксальной» редакции и исключенности их из старообрядческих списков. Второй вопрос – связано ли упоминание

«фабричных» в списке «раскольничьей» редакции с тем, что для сообщества старообрядцев сфера промышленного и мануфактурного производства была актуальна – не только потому, что к старообрядчеству принадлежали такие знаковые фигуры, как Гучковы, Морозовы, Рябушинские, Прохоровы, но и потому, что их единоверцы составляли контингент рабочей силы известных российских мануфактур – и именно эта группа могла сделать фабричных начальников объектом сатиры? (см. на с. 172 о «фабричном» векторе сатиры, вызванном коммерческим расчетом московского издателя или реальной средой бытования прототекста).

Анализируя отдельные образы «Газеты из ада», С.В. Алпатов посвящает специальный раздел исследованию семантики и контекстам употребления формулы «внук Сатаны» в русской рукописной и фольклорной традиции (с. 195–200). В этом разделе чрезвычайный интерес вызывает соотнесение этой формулы с именем императора Наполеона (с. 196), и здесь мы можем дополнить изыскания автора диссертации ссылкой на сатирическую «Оду на изгнание французов из России в 1812» ([Данилевский Петр]. Ода малороссийского простолюдина. На случай военных действий при нашествии французов в пределы Российской империи в 1812 году. СПб.: Типография Ивана Глазунова, 1813; по сведениям публикатора – «из рукописного сборника кон. XVIII – нач. XIX в.; владелец сборника – служащий Гадячской полковой канцелярии»), где Наполеон отождествляется с демонологическим персонажем («чорту внук», маленького роста, уродливый), прямо называется «подменышем» (*одмина*), порождением *мары* (ночное существо, пьющее кровь своих жертв и душащее их); его прожорливость (хочет проглотить весь мир) сродни прожорливости демонического подкидыша:

Кажуть, пан з себе маленькій
Незавидненькій щенюк,
Низькій, смуглый и сухенькій, –
Що-ж то? видно, **чорту внук!**

Мабуць, клятый, вин **одминокъ**,

Мабуць вин **мары потимокъ**,

Вин из биса ростом, песь.

Ну, та як-то зажирае,

На весь свит рот роззявляє,

Мовъ-бы хоче ззисти весь!

(см. подробнее: *Белова О.В.* Мазепа, Палей и Наполеон в народных легендах и преданиях // Живая старина. 2012. № 3. С. 7).

Этот памятник малороссийской пародийной словесности наглядно показывает, что в культурном пространстве Российской империи существовало единое сатирически-пародийное поле и единая традиция, связанная с сословием служивых людей (светских и духовных).

С.В. Алпатов обращает внимание также на то, что сатирическое понимание ростовщика как духовного сродника / наследника Сатаны актуализируется в апокалиптических рукописных сочинениях, в которых выпуск бумажных денег интерпретируется как акция «сатанина внука» – антихриста (с. 196). И здесь, на наш взгляд, следует привлечь к рассмотрению два сюжета, связанных с Наполеоном и демонстрирующих полемику разных конфессий относительно трактовки этой исторической личности.

Как гласит молва, старообрядцы-федосеевцы радушно встретили Наполеона в Москве в 1812 г., и за это Наполеон разрешил им печатать фальшивые деньги на Преображенском кладбище (это показательный пример конфессионального «навета» со стороны православных, связывающий старообрядцев с Наполеоном-антихристом и фальшивые бумажные деньги с тем же антихристом). Второй сюжет – московская легенда о том, как старообрядцы приветствовали Наполеона, которого, в отличие от православных, антихристом не считали: «Аввакум Данилов, со старцами сготовил подарок Наполеону: быка красного; да еще золото несли на фарфоровом блюде <...> Старцы порешили так: бык красный – это будто

сама Русь христианская. Вот и повели ее на поклон Наполеону»; «федосеевцы будто бы отправили Наполеону глубокую тарелку, наполненную золотой монетой, и огромной величины быка с позолоченными рогами, напоминавшего египетского Аписа»; «раскольники-федосеевцы в Преображенском <...> признали Наполеона своим государем. Его они не считали антихристом, зато в их молельне была повешена картина с изображением «белого царя» с надписью, что Александр – антихрист» (см.: *Синицын П.В.* Преображенское и окружающие его места, их прошлое и настоящее (М., 1895), а также многочисленные фольклоризованные варианты этих сюжетов в популярной, научно-популярной литературе и на интернет-форумах (https://vk.com/topic-3876800_24579974?post=3349; <http://www.pravenc.ru/text/115828.html>)). Этот «исторический» текст также выставляет Наполеона в пародийном свете – он принимает дареного быка за реликт культа древнеегипетского бога.

Чрезвычайно интересным является утверждение автора диссертации о том, что для переписчиков и читателей сатирических текстов типа «Газеты из ада» важна и актуальна была связь с кругом так называемых классифицирующих текстов, включающих этиологические мотивы (с. 231). Прекрасным примером этого является помещенный в Приложении 3 текст № 12 из Отдела редких книг и рукописей Научной библиотеки МГУ (с. 397), структура и содержание которого демонстрирует, за счет чего происходит «фольклоризация» и «актуализация» исходного вопросно-ответного книжного источника. Список 1947 г. представляет собой перечень противопоставление сотворенных Богом и бесом объектов и явлений. Для исследователей традиционной культуры наиболее интересны будут такие позиции: «Бог сотвори родителям поминание, а бес березки завивать. Бог сотвори сошествие Святаго Духа, а бес березки отвивать. Бог сотвори Святую неделю, а бес рили. <...> Бог сотвори святаго Иоанна пост, а бес купальницу. <...> Бог сотвори Сырную неделю, а бес катание» (л. 27об–28) – в них отражены обрядовые действия и реалии (а также терминология)

народного календаря масленичного, пасхального, троицкого, купальского периодов. Кроме того, подобные перечни, содержащие народную этиологию природных и культурных объектов, могут заключать в себе свернутые сюжеты этиологических легенд, отражающих древние дуалистические представления. Хочется надеяться, что диссертант в дальнейшем посвятит этому списку и сходным с ним текстам специальное исследование, снабдив все фольклорные мотивы исчерпывающим комментарием.

Отметим, что про прочтении всех трех глав диссертации, включающих не только историю изучения генеалогии, хронологии, вариативности и контекста бытования избранных сюжетов, но и детальный текстологический анализ, позволяющий адекватно оценить роль и место этих сюжетов в фольклорном и литературном пространстве, складывается ясная картина – все избранные для анализа сюжеты (и тексты) суть фрагменты единого культурного и текстового универсума, в котором каждому элементу определены свое место и своя роль. Кроме того, совершенно справедливым кажется вывод автора диссертации о том, что в России процессы инкорпорирования в европейское коммуникативное пространство (за счет освоения единого жанрового и информационного поля памфлета) оказались не только «отложенными» / «растянутыми» на два столетия (против европейской традиции), но и имели свои этнокультурные и социально-политические особенности (см. с. 254).

Особого внимания заслуживают три приложения к основному тексту диссертации, в которых представлены неопубликованные рукописные и устные варианты исследуемых сатирических памфлетов «Солдатская Библия», «Солдатский Отче наш», «Газета из ада», а также ряда связанных с ними сатирических текстов (всего в научный оборот введено 33 текста, ранее не привлекавшихся исследователями в качестве источников).

Все высказанные выше замечания носят рекомендательный характер и не умаляют значимости диссертационного исследования. Диссертация отвечает требованиям, установленным Московским государственным

университетом имени М.В. Ломоносова к работам подобного рода. Содержание диссертации соответствует паспорту специальности 10.01.09 – «Фольклористика» (по филологическим наукам), а также критериям, определенным пп. 2.1–2.5 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова, а также оформлена, согласно приложениям № 5, 6 Положения о диссертационном совете Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Таким образом, соискатель Алпатов Сергей Викторович заслуживает присуждения ученой степени доктора филологических наук по специальности 10.01.09 – «Фольклористика».

Официальный оппонент:

доктор филологических наук,

ведущий научный сотрудник отдела этнолингвистики и фольклора

ФГБУН «Институт славяноведения РАН»

Белова Ольга Владиславовна

06 ноября 2018 г.

Контактные данные:

тел.: (495) 938-17-80, e-mail: olgabelova.inslav@gmail.com

Специальность, по которой официальным оппонентом

защищена диссертация:

10.02.03 – «Славянские языки»

Адрес места работы:

119991, г. Москва, Ленинский пр-кт, д. 32 А

ФГБУН «Институт славяноведения РАН»,

Отдел этнолингвистики и фольклора

тел.: (495) 938-17-80, e-mail: inslav@inslav.ru

Подпись сотрудника

ФГБУН «Институт славяноведения РАН»

О.В. Беловой удостоверяю:

